

Дорогой Леонид Ильич

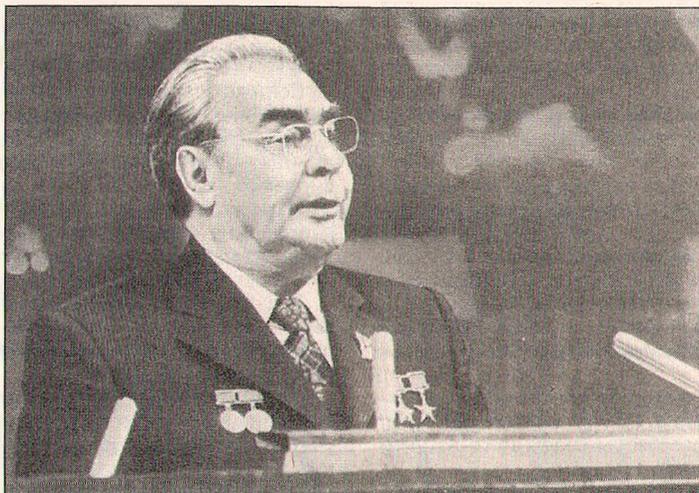
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ

Брежневу исполняется сто лет. По своей натуре он был сторожем консервного склада, если считать консервами все завоевания и достижения советской власти. Он ходил вокруг них с берданкой и – защищал. От кого? Неважно. Что там на складе? Тоже не так существенно. Главное, чтобы ничего – по сути – не менялось.

Этот выбор он сделал уже в конце 60-х: раздавил «пражскую весну», чехословацкий социализм с человеческим лицом (эксперимент, который по сути вел к созданию общества, совмещающего достижения и отбрасывающего недостатки разных социальных систем); похоронил экономическую реформу Косыгина – шанс на модернизацию. В арсенале у него были старый кнут (внутри – КГБ, снаружи – ядерное оружие) и новый пряник (сверхдоходы от суперцен на нефть).

За счет внезапно свалившегося на голову нефтяного богатства гражданам перепало. Бесплатно учили, бесплатно лечили (иногда и неплохо). Можно было не только снижать цены на чудочно-носочные изделия – можно было строить дешевое жилье, производить и продавать на внутреннем рынке низкокачественные телевизоры, стиральные машины и даже автомобили. Всего этого гражданам не хватало, но ведь можно было и подождать год-другой, третий, десятый – до исполнения мечтаний. Всяко короче, чем до коммунизма.

Ему пришлось понять: чтобы торговать нефтью, не нужно на каждом шагу пугать западного обывателя химерой мировой революции. Да и новые технологии взять в основном было негде, кроме как на Западе. Отсюда так называемая политика разрядки напряженности – в сочетании с подкупом спутников («братская помощь») и западной («миролюбивой») общественности.

Хитрые европейские демократы протащили в текст соглашений с СССР и пункты о внутренних свободах («гуманитарную корзину»). Но это они умылись. Общество стало открытым на Запад – но только жерлом нефтяной трубы. Брежневу нужна была в доме тишина, чтобы муха не пролетела. Чтобы приятственней дремалось после возлияний. Никаких споров, никаких воплей, а кто не понимает – тем таблетку под язык (карательная психиатрия с лукавым диагнозом академика Снежневского «вялотекущая шизофрения») да и в мордовский лагерь.

Он был не злой, просто вот так он понимал порядок: как на кладбище. Или в казарме...

Тем временем в мире начался новый этап глобализации. Из

соцлагеря ушел Китай. Мир завершил переход к потребительской цивилизации, обеспечившей максимум возможностей потребительского выбора во всех сферах – от материальной до духовной. Мир начал переход к цивилизации информационной, постиндустриальной, для которой «объемы производства»,

тонны чугуна и стали лишены смысла. У нас же по старинке отчитывались за мифические достижения в тяжелой промышленности и радовали граждан успехами в освоении космоса. Граждане радовались все меньше и справедливо задавали вопрос: а когда же в магазине появятся колбаса и масло?

В стране бурно таял айсберг идеологии. Вера в светлое будущее иссякала. Граждане все меньше готовы были жертвовать собой – ложиться на бруствер. А от них уже этого и не требовали. Даже о Павлике Морозове учителя рассказывали в школе застенчиво, чего-то как бы стесняясь. Градусник общественного лицемерия и цинизма зашкаливал все сильнее. Все делали вид. А игра становилась все хуже.

Набирали силу эмоции недовольства. Молодежь была не удовлетворена скромными перспективами. Интеллигенция – зажимом публичных свобод. Покупатели – отсутствием товаров. Народы и нации копили взаимные обиды. Окраины начали мечтать о том, чтобы стать суверенными центрами. Практически рухнул крестьянский уклад, умирала русская деревня. Уже и хлеб ввозили из Канады и Аргентины. Страна спивалась, особенно славянская ее часть. Бурно развивалась теневая экономика (блат, фарца и прочие краски черного рынка), росла коррупция.

А он играл с женой в домино, выпивал с друзьями, подолгу жил в Крыму. Незамысловатый, банальный человек. Номенклатурный кадр. Так и шли его зимы и весны в одном большом летаргическом сне.

Двенадцать лет власти его пресытили, и он захотел на покой. Но старые дружбаньки из политбюро его не отпускали. Им, заскорузлым и недалеким, сталинским еще выдвигенцам, не нужны были никакие изменения. Даже косметические. И он их послушался и еще шесть лет исправно вылезал на трибуну, едва ворочая на ней упрямым языком, став жертвой анекдотов, часто злых.

Он дорого обошелся обществу. По большому счету он профукал все шансы и потерял для страны будущее.

Сдуру он пошел еще наводить свои порядки в Афганистане. Это был уже предел политической неадекватности системы. Война в Афганистане, крайне непопулярная в стране, стала предвестницей процессов, которые в 1991 году привели к тому, что все советские консервы вдруг взорвались – срок их хранения давно ведь кончился. Последствия этого мир пожинает и сегодня.

Евгений ЕРМОЛИН.